

A.H. Зарубин

ПРОБЛЕМЫ И ПАРАДОКСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1990–2010-х гг.

Рассматривается комплекс проблем и противоречий, накопленный за три десятилетия при развитии сотрудничества регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Проанализированы причины негативных результатов экономического взаимодействия, в частности низкая реализация инвестиционных проектов с участием китайского капитала в Сибири либо отсутствие реализации как таковой, при наличии большого соглашений и взаимной заинтересованности сторон в сотрудничестве.

Ключевые слова: российско-китайские отношения; региональная политика; инвестиционные проекты; «поворот на Восток»

В 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин провозгласил «поворот России на Восток» [1]. Особенности этого «поворота» лежали в геополитической плоскости, и были обусловлены не столько собственно решением руководства страны, сколько сложившейся международной обстановкой. Неудачи России и Китая в плодотворном налаживании отношений с Западом в первое десятилетие двадцатого века способствовали сближению стран, а также наращиванию двустороннего сотрудничества. Кроме непосредственно региональных приоритетов был обозначен и вектор развития, который определил основную специализацию и направления развития сотрудничества.

Ведущая роль здесь принадлежала регионам России, находящимся в непосредственной близости к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). При этом, по мнению ряда специалистов-востоковедов Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и Дальневосточного отделения Российской академии наук, дальневосточные инициативы России и совместные проекты в ближайшей перспективе не стали локомотивами экономического роста [2]. Потенциал сближения двух стран выглядел сравнительно более масштабным, чем их фактический результат.

Весной 2017 г. на российско-китайской конференции международного дискуссионного клуба «Валдай», который в качестве одной из целей рассматривал российско-китайское сотрудничество, прозвучал неутешительный вывод о том, что «российский бизнес, по сути, слабо представляет нужды Китая» [3]. Следовательно, в настоящее время у него нет понимания, в каком направлении перспективно развивать сотрудничество с КНР, а также какие проблемы ожидают бизнес при выстраивании связей. При этом новости, звучавшие от большого количества российских СМИ (в том числе федеральных) в период с 2001 г., с определенной периодичностью сообщали о двусторонних проектах России и Китая, инициированных то в одном, то в другом регионе РФ, преимущественно в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах [4].

Так, ряд опросов, проведенных среди томских предпринимателей, имеющих опыт совместной работы с коммерческими кругами КНР, показал, что наибольшие трудности, которые они испытывали на начальных этапах работы – трудности информацион-

ного порядка: с чего начинать поиск партнеров в странах Азии, какие могут возникнуть сложности правового порядка и т.п. [5].

Подобный парадокс требует внимательного изучения со стороны российских государственных, деловых и научных кругов, а также со стороны властей всех уровней. От понимания причин подобного феномена двусторонних отношений России и Китая на региональном уровне зависит успешность реализации региональной политики РФ на азиатском направлении в целом и программ развития [6].

В качестве одного из примеров можно рассмотреть данные по Томской области, располагающей огромным количеством ресурсов, в которых так остро нуждается Китай (дерево, газ, нефть). Область, в числе прочих регионов Российской Федерации, имеет собственный опыт взаимоотношений с КНР. Однако, при ближайшем рассмотрении макроэкономических показателей и статистики можно обнаружить, что в экспорте продукции Томской области во втором десятилетии XXI в. лидировали США (37,2% от общего объема экспорта, по данным на 2016 г.), в то время как доля Китая составляет лишь 21,2% (для сравнения: Казахстана – 14,4%, Узбекистана – 7,6%, Японии – 5,2%) [7].

Несмотря на большое количество международных соглашений, заключенных Томской областью, развитие получило всего один крупный проект – соглашение с провинцией Шаньдун, которое послужило основой реализации проекта создания комплексного лесопромышленного предприятия на территории города Асинь Томской области [8]. У предпринимателей существовал устойчивый запрос на поиск партнеров и реализацию проектов при участии китайской стороны [5], для этого даже были созданы специализированные организации, оказывающие поддержку для регионального экспорта, такие как, например, Российский экспортный центр [9].

Материалы по данной проблематике характерны в основном для крупнейших научных и научно-исследовательских центров, представляющих Центральную Россию (исследования ограничены структурными подразделениями РАН), либо для двух дальневосточных структур – Дальневосточного отделения РАН и ДВФУ. Отдельные материалы представлены в ходе различных научно-практических мероприятий

(Сибирский экономический форум в г. Новосибирске, Красноярский экономический форум, Дальневосточный экономический форум, ежегодная конференция «Россия и Китай», материалы клуба «Валдай»), статьями и комментариями в российских периодических изданиях федерального уровня («Россия в глобальной политике», «Международная жизнь» и т.д.) [10].

Исследования, затрагивающие двусторонние отношения Китая с регионами Сибири и Дальнего Востока, проводились такими учёными, как В.Г. Дацшен, И.Ю. Зуенко, К.Н. Батанов, Д.В. Ганжуров, М.В. Александрова, Е.В. Савкович, А.Г. Данков, С.А. Иванов, И.В. Олейников и рядом других. Актуальные в аспекте данной темы исследования из КНР представлены за авторством Ли Цзиньюй, Чжу Хэнсю, Лю Бо, Вен Сюе, Ли Синь, Ню Янпин, Чан Нуо, Ван Бинин, Ма Литянь и др.

Все указанные материалы содержат в себе лишь небольшие сообщения и факты, характеризующие ту или иную сферу взаимодействия регионов Сибири и КНР, либо рассматривают в качестве объектов исследования приграничные контакты России и Китая. В иных случаях предметом исследования выступает уровень межгосударственного взаимодействия без учёта региональной специфики. Материалы же, представленные в китайской научной периодике, нередко вообще не отражают реального положения дел как в новой российской экономике в целом, так и ее региональной составляющей [11]. В большинстве они сосредоточивают внимание либо на сотрудничестве в сфере энергоресурсов [12], либо на перспективах более глубокой интеграции Китая и регионов Сибири и Дальнего Востока, с описанием выгоды для обеих сторон, не приводя при этом никаких научных обоснований для нее [13]. В иных случаях научное обоснование в исследованиях присутствует, однако выгодополучателем в них выступает исключительно китайская сторона, без учёта интересов сибирских и дальневосточных регионов [14]. В конечном итоге региональные исследования двустороннего сотрудничества Сибири и Китая датированы не позже чем 2014 г. [15], а большая часть из них проведены в первом десятилетии XXI в. То есть с момента радикальных перемен в российской внешней политике и «разворота на Восток» в Китае не проводилось ни одного крупного научного исследования, предметом которого выступили бы региональные отношения с Сибирию и Дальним Востоком.

Проблемы реализации регионами Сибири собственных программ развития экономико-географического потенциала во взаимоотношениях с КНР не выступали в качестве центральной темы проводимых исследований. Количественные исследования, в частности оценки накопленных китайских инвестиций в регионах, направления и формы реализации сотрудничества в рамках текущей деятельности государственных органов, представлены только на уровне профильных департаментов областных администраций и совместных выездных мероприятий региональных чиновников в различных регионах Китая [16]. При этом научной оценки качества данных мероприятий, а также необходимой рефлексии так и не было проведено.

В то же время при осуществлении реального взаимодействия с КНР у региональной власти отсутствовало понимание особенностей работы с представителями деловых кругов КНР, а у последних нет представления о специфике каждого отдельного региона РФ. Практическая подготовка непосредственно участников переговорного процесса была ограничена рядом семинаров для предпринимателей, проводимых на региональном уровне [17].

При этом очевидным является тот факт, что начиная с 2014 г. такие практики, кроме накопления и распространения необходимых знаний об экономике стран Востока, нуждались и нуждаются в постоянном обновлении [3]. Кроме того, организация доступа на внутренний региональный рынок для китайских контрагентов (в основном, мелкого и среднего бизнеса), которые могли бы стать потенциальными инвесторами в региональную экономику, со временем распада СССР сдерживалась отсутствием необходимых источников информации, причём носящих научный характер.

Период, начавшийся в 2014 г., характеризовался существенным изменением ситуации в экономической, политической, культурной, научной сферах двусторонних отношений российских регионов с Китаем. Стимулирующим фактором данных изменений стали действия российских и китайских властей, которые, как уже говорилось ранее, предприняли ряд последовательных, однако совершенно различных с точки зрения мотивации шагов по сближению друг к другу. Правительство РФ за последние пять лет объявило о создании в Сибири и на Дальнем Востоке большого количества зон с особыми экономическими (в первую очередь – налоговыми) условиями для партнеров из КНР [18], запустило мегапроекты по поставке в Китай газа и нефти, пригласило подрядчиков из Китая для реализации проектов национального масштаба (прокладка промышленных кабелей по дну Черного моря к Крымскому полуострову [19], строительство скоростной железной дороги Москва–Казань и т.д. [20]). Китай же к 2019 г., фактически, стал выводить из РФ капитала больше, чем инвестировать – согласно данным Банка России за 2018 г. – китайский бизнес вывел из России более 900 млн долл., из которых 774 млн долл. – из капитала российских компаний [21].

Упор в укреплении сотрудничества был сделан на отдельные коммерческие контакты, которые представители центральной власти стремились наращивать, и, что самое главное, – контролировать. В России этот вектор развития, направленный на интенсификацию процесса сближения со странами Востока, был вынужденным в связи с событиями начала 2014 г., которые спровоцировали отток капитала западных стран и освобождение ниши, которая требовала заполнения. В Китае, в свою очередь, не могли не отреагировать на появившиеся в силу глобальных геополитических и экономических изменений возможности, и после того, как экономический кризис пошёл на спад, в разных частях страны, от Дальнего Востока до Калининградской области, стал заметен массовый приток делегаций, представляющих крупные китайские компании, у которых появился огромный интерес к вновь

открывшемуся инвестиционному потенциалу России. Одновременно с этим, начиная с 2013 г., в Китае стартовала реализация стратегической глобальной программы-инициативы председателя Си Цзинпина «Один пояс – один путь», в которой России отводилась если не ключевая, то крайне важная роль [22], поэтому у китайских предпринимателей появился дополнительный стимул вкладывать свои инвестиции в российскую экономику, получая торгово-экономические преференции от обеих сторон.

Предприниматели из Китая всегда обращали внимание на обеспечение собственных прав и преференций. Это касалось как торговли, с которой в 1990-е гг. начинались экономические отношения посткоммунистической России с переживавшей политику «реформ и открытости» Китайской Народной Республикой, так и инвестиционных проектов двадцать первого века. С российской стороны в обеспечении прав инвестора была заинтересована главным образом государственная власть, её же ключевая задача – создание благоприятного информационного сопровождения деятельности иностранной компании в любом российском регионе. Преференции китайские компании склонны были искать в таких областях, как налоговая нагрузка, иммиграционная политика государства, использование таможенной бюрократии, коррупции региональных и местных чиновников и т.д.

Одновременно с пониманием отсутствия у восточных регионов РФ адекватной альтернативы китайским инвестициям, представители китайского бизнеса стали в мягкой форме настаивать на таких преференциях, а в отдельных случаях – требовать их [23]. Таким образом, появились беспрецедентные случаи появления в России ограниченных районов с особыми экономическими условиями и такими наименованиями, как «Особая экономическая зона», «Территория опережающего развития (далее – ТОР)» и им подобные. Фактор уступок, на которые шла Федеральная власть для бизнеса из КНР с целью привлечения его в регионы РФ, сыграл в государственной политике со-здания подобных территорий ключевую роль. Лучше всего этот тезис подтверждается географией ТОР – подавляющее их большинство расположены в Сибирском и Дальневосточном регионах [4]. Более того, многие из них создавались без участия компаний-резидентов, а некоторые – непосредственно для одной-двух конкретных зарубежных (китайских) компаний, которые ранее уже вели переговоры с представителями власти региона расположения ТОР по реализацию крупного инвестиционного проекта [24].

Первостепенными целями участия российской стороны в любом подобном инвестиционном проекте были:

- 1) развитие территорий либо объектов, которые эти инвестиции требуют;
- 2) создание новых рабочих мест;
- 3) развитие региона и бизнеса в нём;
- 4) освоение качественных, целевых вложений в экономику региона и страны [25].

Президент России В.В. Путин на различных экономических форумах, политических площадках, саммитах с участием представителей бизнеса Китайской

Народной Республики неоднократно лично призывал последних делать вложения в РФ, обещая и налоговые преференции, и таможенные льготы, и прибыль, во много раз превышающую вложения инвестора [26].

Это говорит о том, что на фоне общего инвестиционного климата России после 2014 г., любой крупный инвестор, планирующий вложения в российскую экономику, оценивался очень высоко, часто для него делались определённые уступки, в некоторых случаях – существенные, нарушающие федеральное или местное законодательство. В комплексе это создавало впечатление гораздо большей заинтересованности России в инвесторах из Китая, чем наоборот.

Здесь же необходимо еще раз отметить уже упомянутый тезис, касающийся отсутствия в начале 10-х гг. XXI в. региональной системы поиска зарубежных партнеров в странах Азии и оценки их кредитоспособности [27]. В совокупности указанные два фактора привели к ситуации, в которой деятельность компаний из КНР в России характеризовалась не иначе как экспансия коммерческих интересов китайской стороны в регионы Сибири и Дальнего Востока, форсированная за счёт негативной для РФ внешнеполитической конъюнктуры и реализуемая без учёта интересов российских партнёров.

С целью изучения общих закономерностей недобросовестного исполнения представителями китайской стороны своих коммерческих обязательств в рамках инвестиционных проектов с РФ, реализуемых после 2014 г., было проведено данное историко-экономическое исследование. Другой целью исследования стало выявление алгоритма работы представителей коммерческих кругов КНР в регионах РФ, которая идет вразрез с получением обеими сторонами взаимной выгоды, и решает исключительно внутрикитайские (в иных случаях – незаконные) задачи.

В качестве основы для проведения данного исследования был выбран междисциплинарный подход. Более узким методом послужил разработанный на уровне МГИМО (у) МИД РФ кросс-региональный анализ (автор – А.Д. Воскресенский). Он позволяет рассмотреть основные факторы, способствовавшие и препятствующие развитию сотрудничества на разных временных отрезках, деятельность основных формальных, а также неформальных институтов, которые в случае азиатских стран имеют определяющее значение, позволяет сделать региональный срез.

Исследование проводилось на примере инвестиционных проектов, реализуемых в Челябинской, Кемеровской и Томской областях. Реализация всех изучаемых проектов замыкалась на компаниях совместного капитала, созданных представителями китайской стороны в России. Проекты в Челябинской и Кемеровской областях за два года не получили даже базового старта. Всё завершалось на уровне документооборота: соглашений с региональными властями, контрактов с муниципальными чиновниками. Причём в одном случае (Кемеровская область) вариантом сотрудничества являлось вхождение китайского инвестора в Территорию опережающего социально-экономического развития, специально созданную на уровне федерального правительства под проект ки-

тайской стороны – создание крупного логистического центра в г. Юрга с последующим включением его в проект «Один пояс – один путь» [24]. Существуют и такие примеры, когда проект всё же получил старт и полноценное развитие, однако утратил рентабельность в течение нескольких лет.

Подобные примеры можно найти и в работах китайских исследователей, однако в них отсутствует глубокий анализ причин подобного исхода перспективного проекта, как и научная оценка деятельности других предприятий с китайским капиталом в сибирском регионе на предмет потенциального повторения данных прецедентов. При этом в качестве основного вывода приводится тезис о позитивных тенденциях развития российско-китайского регионального сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке, а также о незначительности последствий подобных негативных кейсов в масштабе этого сотрудничества [28].

Актуальность данной проблемы заключается в том, что в настоящее время, как уже было сказано выше, большое значение приобретает выход китайского капитала на рынок российских инвестиционных проектов, и от того, насколько качественно полезным будет этот выход, зависит будущее социально-экономическое развитие как отдельных регионов России, так и всей страны в целом. В случае прихода в проект ответственных, и, главное – честных предпринимателей, проект форсировано, не без участия местных и федеральных властей, но получает мощный толчок в развитии. В качестве примеров можно привести корпорацию Angel East, которая успешно реализовала проект биотехнологического предприятия в Липецкой области, компанию Great Wall, запустившую в 2019 г. завод в Тульской области, Шанхайскую индустриально-инвестиционную группу, получившей в долгосрочную аренду 205 га земли в г. Санкт-Петербурге и построившей на них свыше 1 млн м² жилой недвижимости [29].

В иных случаях, лица, пришедшие в проект, являются либо не конечными инвесторами (выгодополучателями или стейкхолдерами), а лишь представителями промежуточной инстанции-посредника, которая сама не располагает достаточным количеством финансовых средств, необходимых для долгосрочных капиталовложений, либо представители КНР, добившиеся участия в проекте, вовсе не являются предпринимателями и не нацелены на развитие проекта.

Стоит отметить, что вопрос налоговой нагрузки на инвестиционные проекты крайне важен для инвесторов из Китайской Народной Республики и поднимался одним из первых на переговорах [23]. При этом китайская сторона предъявляла если не ультимативные запросы, то как минимум требования по снижению налоговых квот на различные стороны реализации проекта [23]. Поскольку, по законодательству, никакими иными способами кроме как создания какого-либо вида особой экономической зоны на территории проекта удовлетворить их требования было невозможно, местным властям приходилось идти на уступки, чтобы не потерять потенциального инвестора, в то же время действовать в рамках закона. Создание ТОР было возможно только при наличии соглашения инвестора с первым лицом субъекта РФ, ис-

следования рынка, технико-экономического обоснования проекта, а также подробного бизнес-плана.

Китайская сторона такого рода информацию часто не предоставляла, а проектная работа не проводилась. При этом ТОР в г. Юрга Кемеровской области не просто была создана в короткий срок, но и с формулировкой основной цели – «привлечение иностранных инвесторов, для создания в городе одного из логистических центров Сибири» [24].

По итогам оценки деятельности предприятий, созданных китайской стороной в регионах Западной и Восточной Сибири, практических результатов, способствующих развитию экономики и инфраструктуры населённых пунктов и регионов, не обнаружено. Этот факт подтверждается даже отдельными китайскими исследователями, несмотря на общую тенденцию игнорирования ими всех резко негативных сторон сотрудничества Китая с сибирскими регионами [30].

Несмотря на данный факт, уход китайских компаний из регионов по причине провала проектов также не был отмечен. Например, 22 января 2018 года губернатор Кемеровской области Аман Тулеев подписал соглашение с ООО «Объединённая деревоперерабатывающая торгово-промышленная компания» о создании на 50 га ТОР (г. Юрга) фабрики по производству мебели евроСТАНДАРТа [31]. В данном случае китайская компания могла рассчитывать на налоговые льготы, поскольку проект реализуется в ТОР, однако для региона означает только одно – крупный логистический проект, с которым изначально пришла в регион эта компания и под который создавалась зона с особыми экономическими условиями, реализован не будет.

В Томской области проект лесопромышленного комплекса города Асино, о котором уже шла речь, стартовал в 2011 г. и развивался вплоть до 2016 г., когда первый инвестор продал компанию, курирующую данный проект. Результат – сокращение объемов заготовок, практически 90-процентная остановка предприятия и крайне неприятные переговоры с первыми лицами областной администрацией, которые к 2019 г. ничего не изменили [32].

Суммируя все вышеуказанные факты, можно сделать два вывода:

1) компании, которые являлись инициаторами проектов, не преследовали целью фактическую их реализацию;

2) если целью не ставилась реализация проектов и при этом компании не уходили из регионов, создавая видимость деятельности, продолжительное пребывание компаний в регионах, владение ими финансовыми активами и объектами в этих регионах уже само по себе можно характеризовать как цель, поскольку других реальных целей у китайских компаний определить не удалось.

Помимо этого, ещё раз необходимо отметить тот факт, что при сложившейся ситуации местные муниципалитеты в лице руководителей населённых пунктов и даже губернаторов крайне инертно реагировали и не принимали никаких практических шагов по стимулированию китайских компаний и соглашались на описанный выше статус-кво.

В чём может заключаться практическая выгода подобной противоречивой деятельности? Ни для кого не секрет, что с приходом в Китае к власти Си Цзиньпина началась новая волна борьбы с коррупцией на всех уровнях, что является условием экономического развития страны [33]. Чиновники и предприниматели вынуждены были отчитываться перед бесчисленными вновь созданными антикоррупционными комитетами в буквальном смысле за каждый юань, находящийся в обороте. Однако из истории Китая известно, что коррупционная система в Китае складывалась не одну тысячу лет, превратившись из экономического явления в своеобразный культурный пласт, и чем строже становится борьба с ней, тем более хитроумными и смелыми – способы избежать наказания.

После экономического кризиса 2014–2015 гг. и разворота России «на Восток» в сфере экономики и инвестиций, Россия автоматически стала площадкой для испытания этих новых способов для недобросовестных предпринимателей из КНР. Этому способствовал ряд факторов, создаваемых и поддерживаемых, прежде всего, российской стороной:

1. Открытая востребованность российской стороны, особенно в регионах, в инвестициях из Китая как следствие отсутствия других источников одинаковых по размерам финансовых вложений в регион. Данный запрос позволил китайской стороне выдвигать на переговорах неравные условия, после чего, часто – в ультимативной форме, требовать их удовлетворения. Причём в иных случаях данные требования прямо нарушали российское законодательство. Региональной власти, в свою очередь, приходилось идти на уступки, отказываясь от положения равноправного партнера.

2. Безальтернативность проектов китайской стороны. Этот фактор напрямую вытекал из сложившейся внешнеполитической конъюнктуры, основанной на плане «разворота на Восток», а также из предыдущего фактора.

3. Прямые указания представителей федеральной власти муниципальным чиновникам о привлечении в регион иностранных инвестиций для его развития и контроль за исполнением этих указаний. Очевидным является предположение, что наиболее простым решением для регионов Сибири и Дальнего Востока станут инвесторы именно из КНР, с которыми в указанных регионах осуществляется огромное количество как официальных, так и межличностных контактов.

4. К косвенному, но не менее важному фактору следует отнести фактическую неграмотность региональных чиновников в вопросах взаимоотношения с китайской стороной. В большинстве случаев глава муниципального образования или муниципальной организации, ведущий переговоры с российской стороной, не обладал достаточными знаниями о культуре, менталитете и коммерческих традициях противоположной стороны. Принимая во внимание предыдущие три фактора, это позволяло китайской стороне форсировать переговоры и, как уже было сказано ранее, лobbировать свои условия.

В ситуации, когда описанные факторы рассматриваются в совокупности, мы констатируем увеличение

количества так называемых мёртвых проектов, с которыми связан китайский капитал. Для представителей КНР данные проекты и объекты под них – крайне эффективный способ придания собственным денежным средствам, приобретенным во многих случаях преступным путём, законного происхождения для многочисленных проверок по линии противостояния коррупции в Китае. А та лёгкость, с которой им удалось реализовать схемы приобретения этих объектов и земель без обязательной реализации, собственно, проекта, заставляло их всё чаще и чаще обращать внимание на регионы Сибири.

Основная причина этой лёгкости – отсутствие у российской стороны адекватной оценки проекту и компании, которая с ним приходила. Из описанных в статье проектов можно заметить, что муниципальными властями принимались такие ключевые решения, как, например, подписание с китайской стороной контрактов, соглашений и меморандумов (иногда в обход установленных норм) в ситуациях, когда китайская сторона даже не предоставляет общего бизнес-плана, не говоря уже о других необходимых документах. Подобное стимулирование неправомерной деятельности приводило к соблазну избегать всех установленных законами уже Российской Федерации порядков в будущем.

При этом подобные алгоритмы работы не являются единичными случаями. К настоящему моменту они сложились в замкнутую систему взаимоотношений между представителями китайского бизнеса, российского бизнеса и муниципальных властей. На примере описанных проектов можно кратко описать основные этапы реализации данного алгоритма с российской и китайской стороны:

1) на начальном этапе в регион прибывали представители китайской стороны, как правило, на основании хороших межличностных отношений с лицом, представляющим либо крупный бизнес региона, либо его муниципальную власть, с целью осуществления в регионе перспективного инвестиционного проекта;

2) в переговорном процессе представители КНР сразу захватывали инициативу и лоббировали свои условия, которые, как правило, были связаны с налоговыми преференциями, особыми правами на имущество, землю и т.д.;

3) местные средства массовой информации распространяли среди местного населения информацию о проекте, что сопровождалось появлением цепочек, иногда противоречащих друг другу слухов, тем не менее, способствующих укреплению положения китайской стороны среди населения региона, за счет ожиданий появления большого количества рабочих мест в крупном проекте;

4) укрепленная вышеуказанным фактором положительная репутация китайской стороны способствовала развитию ситуации, при которой местное население (а также заинтересованные компании) оказывали определенное давление на местные власти, требуя скорейшей реализации проекта, и под этим давлением региональные чиновники удовлетворяли все требования китайской стороны, заключая все запрашиваемые ею соглашения и контракты на ее условиях;

5) в конечном итоге информационное поле вокруг проекта внезапно сходило на нет, активность китайской стороны падала, а в иных случаях ее представители и вовсе покидали регион, представители правоохранительных органов и органов безопасности не предпринимали никаких действий, представители органов исполнительной власти региона не делали никаких заявлений, и ситуация, в целом, так и оставалась неразрешенной на неопределенный промежуток времени.

Говоря о практических направленных итогах исследования, необходимо в первую очередь отметить, что для местных властей тех регионов, в которых планировалось или планируется осуществление инвестиционных проектов с привлечением китайского капитала, очень важно учитывать исторический опыт регионов Сибири. Необходимо на ранних этапах выявлять подобную схему работы и прикладывать усилия, чтобы избежать её и не повторить ошибок совсем недавней истории. Для этого необходимо, опять же, на начальных этапах переговоров делать следующие практические шаги:

1) оговаривать для китайской стороны основной принцип совместной работы: все этапы будущего проекта должны осуществляться в строгом соответствии с законодательными и правовыми нормами Российской Федерации, любое отступление от них недопустимо. Как правило, добросовестные предприниматели в большинстве случаев соглашаются на такой ход работы;

2) требовать от китайской стороны все необходимые документы по реализуемому проекту (таких как технико-экономическое обоснование проекта, расширенное исследование рынка, развёрнутый бизнес-план и т.д.) до подписания с ней каких-либо соглашений и контрактов;

3) не затягивать переговоры. Если китайской стороне важен практический результат, а не контракты как таковые, она будет предоставлять все требуемые материалы, максимально стараясь уложиться в указанный российской стороной срок. В данном случае не нужно препятствовать развитию переговорного процесса бюрократическими проволочками;

4) тщательно изучать бэкграунд компаний, реализующей проект, и лица, ведущего переговоры в частности, обращая особенное внимание на то, какие проекты и в каких регионах России и Китая компания реально довела до логического завершения.

5) после подписания соглашений и контрактов необходимо создавать совместную рабочую группу для контроля за исполнением в срок всех намеченных работ по проекту. В случае невыполнения или задержки каких-либо работ проводить двусторонние встречи, а при необходимости – расследование причин данных фактов;

6) на начальном этапе переговоров избегать освещение будущего проекта в средствах массовой информации для контроля за информационным фоном в регионе, касающимся проекта. Любые слухи сыграют на руку китайской стороне и дадут им дополнительное преимущество на переговорах;

7) необходимо прилагать все усилия для того, чтобы избежать ситуации, когда кто-либо из заинтересо-

ванных лиц с российской стороны вступает в личные взаимовыгодные отношения с представителями китайской стороны, поскольку последние могут использовать данный факт как средство давления в переговорном процессе;

8) в процессе переговоров необходимо создавать у китайской стороны ощущение конкурентной борьбы с некоей стороной, которая также заинтересована в данном проекте, чтобы у китайской стороны был стимул предлагать наиболее выгодные для российской стороны условия, а не наоборот. Это сразу исключит опасность, что в переговорах существует недобросовестный предприниматель, который, как правило, узнав о конкуренте, сразу выйдет из игры;

9) в процессе переговоров необходимо привлекать в качестве консультантов и переводчиков, квалифицированных специалистов-регионоведов с опытом работы в подобных проектах, поскольку правильное понимание партнёров с точки зрения моральных и культурных ценностей, их интенций, выраженных во время переговоров, а также адекватные формы ответов на их запросы крайне важны.

Феномен, обнаруженный в ходе исследования инвестиционной деятельности КНР в регионах Сибири за последние два десятилетия, не имеет аналогов в истории российско-китайских отношений, в которых региональное партнерство и региональная торговля всегда выступали краеугольным камнем, укрепляющим двусторонние связи уже на государственном уровне. При этом и партнерство, и торговля были гораздо важнее именно для Китая в разных формах его государственности, поскольку и экономика, и промышленность до конца XX в. всегда были отраслями догоняющими по сравнению с российскими аналогами.

Однако за одно десятилетие ситуация, складывавшаяся сотни лет, кардинально изменилась – российская экономика и промышленность находились в глубоком кризисе, в то время как китайские отрасли совершили исторический рывок. В 2014 г., после начала санкционной политики США и Европы по отношению к России, завершилось формирование экономической зависимости России от инвестиций из Китая. Регионам Сибири в подобной ситуации, несмотря на весь негатив, было что предложить соседнему государству, а именно огромное количество природных и человеческих ресурсов как гигантскую площадку для инвестиционной деятельности. Для многих субъектов РФ объективно не было другой возможности привлечь настолько огромные финансовые вливания в свою инфраструктуру, кроме как через реализацию совместных проектов. В то же время для КНР это была уникальная историческая возможность на самых выгодных условиях вывести избытки капитала из страны, обеспечив их колossalного масштаба производством на территории России. Цена на продукты этого производства, а также на сырье, полученное в ходе реализации совместных проектов, была бы конкурентоспособной уже на китайском рынке, исходя из низкой себестоимости данных товаров, обеспеченной выгодными условиями их производства и добычи.

Китайские политики и учёные не могли не увидеть эту историческую возможность, поэтому китайские

сибирские исследования периода 1990–2010-х гг. имеют одну схожую отличительную черту, а именно игнорирование негативных сторон и кейсов сотрудничества Китая с регионами Сибири и Дальнего Востока, которые, как видно из данного исследования, заметно превалировали над положительными. Причина подобного подхода проста – все описанные негативные стороны касались исключительно российской стороны при одновременном выгодополучении китайской стороной. Поэтому китайские исследования этого периода оканчиваются схожими выводами о необходимости более тесной интеграции Китая с регионами Сибири и Дальнего Востока [34].

Такая интеграция стала возможной в период после 2014 г., с началом так называемого «Поворота на Восток». В этот новый период большинство крупных предпринимателей из Китая пришли в регионы Сибири, чтобы воспользоваться сложившейся ситуацией не для решения инвестиционных за-

дач, но для реализации деятельности, которая не представляется возможной в их собственном государстве, поскольку не укладывается в рамки, определённые законодательством. Это противоречие превратило Сибирь для КНР из масштабной инвестиционной площадки в масштабную площадку внешней теневой политики. Основная причина подобного феномена лежит в отсутствии полноценного контроля со стороны государственной власти за деятельностью китайских компаний в регионах Сибири, причем как со стороны Федерального правительства РФ, так и со стороны Государственного Совета КНР. Проекты, находившиеся под контролем этих институтов власти (т.е. реализующиеся на государственном уровне), доводились до необходимого результата в указанные сроки. Однако на региональном уровне возможность реализации нового исторического потенциала двусторонних отношений по-прежнему утрачивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поворот на Восток // РИА Новости. 21.05.2014. URL: <https://ria.ru/20140521/1008730350.html> (дата обращения: 09.02.2020).
2. Поворот России на Восток – иллюзия geopolитического выбора. Авторская колонка Леонида Козлова // Новости Владивостока и Приморья. URL: <https://primamedia.ru/news/500879/?from=8> (дата обращения: 10.10.2019).
3. Российско-китайская конференция Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия и Китай перед вызовами глобальных изменений». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiyskokitayskaya-konferentsiya-valday/> (дата обращения: 24.11.2019).
4. Проекты, которые китайские инвесторы намерены реализовать на Дальнем Востоке, оцениваются в \$30 млрд // Финмаркет. URL: <http://www.finmarket.ru/news/4729788> (дата обращения: 07.06.2019).
5. Опросы. Администрация Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/questionnaires/front?type=2> (дата обращения: 07.06.2019).
6. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3. С. 1–26.
7. Отчет // Администрация Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/87> (дата обращения: 09.08.2019).
8. Лесопромышленный кластер // ИНО Томск. URL: <https://ino-tomsk.ru/ru/peredovoe-proizvodstvo/lesopromyshlennyi-klaster> (дата обращения: 27.02.2019).
9. О Российском экспортном центре. URL: <https://www.exportcenter.ru/company/> (дата обращения: 30.10.2019).
10. Российской-китайская конференция «Россия и Китай: современные вызовы развития» // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiysko-kitayskaya-konferentsiya/> (дата обращения: 05.02.2020)ю
11. Dong Lisheng. China's Drive to Revitalise the Northeast. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/462> (дата обращения: 15.03.2017) (In Chin.)
12. Li Jinyu, Zhu Hengxu. Russian-Chinese projects of Siberian and Far Eastern energy resources development // Dalian Technology University Periodical. 2000. № 4. Р. 43–49 (In Chin.).
13. Chen Nuo, Wang Binyin. The state and prospects of economic cooperation between the northeastern regions of China and the Siberian and Far Eastern regions of Russia // Markets of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2011. № 11. Р. 40–45 (In Chin.)
14. Li Xin. Favorable opportunities for China in Siberia and Far East development // Siberian research. 2013. № 3. Р. 32–36 (In Chin.).
15. Ma Litian. Issues and contradictions of energy cooperation between Chinese northeastern regions and Siberian regions // Economic and Culture. 2014. № 12. Р. 33–35 (In Chin.).
16. Делегация Томской области работает в Китае. URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/98192> (дата обращения: 09.02.2020).
17. Малый и средний бизнес г. Томска. Семинары и тренинги. URL: <http://mb.admin.tomsk.ru/seminars> (дата обращения: 23.09.2019).
18. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 12.03.2020).
19. Мост к энергетической независимости. В мае крымский энергомост заработал на полную мощность // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3093842> (дата обращения: 28.08.2019).
20. Китай нашел деньги на ВСМ «Москва – Казань». Инвестиции в проект составят 300 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3093842> (дата обращения: 28.08.2019).
21. Банк России. Годовой отчет за 2018 год. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf (дата обращения: 30.08.2019).
22. Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» откроет новые горизонты мечты. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (дата обращения: 10.10.2019).
23. Протоколы переговоров между администрацией Кемеровской области и главой ООО «Объединённая деревоперерабатывающая торговко-промышленная компания». Чжу Сяосинем. Кемерово, 2015–2016.
24. Юрга получит статус территории опережающего социально-экономического развития // Кемеровская область (1 октября 2015 г.). URL: <http://kemoblast.ru/news/e-konomika/2015/10/01/yurga-poluchit-status-territorii-operezhayushhego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2019).
25. Что нужно знать об условиях ТОР и СПВ на Дальнем Востоке // РБК. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5cffaab9a7947f38461e657> (дата обращения: 03.11.2019).
26. Выступление президента России В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.10.2017, г. Сочи // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата обращения: 09.02.2020).
27. Едронова В.Н., Хасянова С.Ю. Зарубежные и отечественные подходы к оценке кредитоспособности заемщика // Финансы и кредит. 2002. № 10. С. 3–5.
28. Niu Yangping. General analysis of trade cooperation between Chinese provinces and the Siberian Federal District // Siberian research. 2006. № 6. Р. 12–15 (In Chin.).
29. Топ-11 китайских инвестиций в Россию. URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (дата обращения: 19.11.2019).

30. Wen Xue. Paradoxes of Siberia and the Far East development trends and their impact on bilateral Russian-Chinese relations // Beijing university. International Relations Institute Periodical. 2008. № 6. P. 16–21 (In Chin.).
31. Двустороннее соглашение между Администрацией Кемеровской области и ООО «Объединенная деревообрабатывающая промышленная компания». 12.12.2016. Кемерово.
32. Китайского лесозаготовителя обзвали восстановить лес в Томской области. URL: <https://proderevo.net/news/corp/kitajskogo-lesozagotovitelya-obyazali-vosstanovit-les-v-tomskoj-oblasti.html> (дата обращения: 08.12.2019).
33. Китай развернул антикоррупционную кампанию, одну из самых масштабных в мировой истории. URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/129419/kitai-razvernul-antikorruptsionnuui-kampaniu-odnou-iz-samykh-masshtabnykh-v-mirovoi-istorii> (дата обращения: 24.11.2019).
34. Liu Bo. Siberian Research and Siberian Studies Center results review // Siberian Research and Siberian Studies Center Periodical. 1998. № 3. P. 51–55 (In Chin.).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2020 г.

Problems and Paradoxes of Cooperation Between the Regions of the Russian Federation and the People's Republic of China in the 1990s–2010s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 114–122.

DOI: 10.17223/15617793/469/15

Alexey N. Zarubin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zarkaman@mail.ru

Keywords: Russian-Chinese relations; regional policy; investment projects; “turn to the East”; economic crisis.

The study was conducted on the example of two investment projects implemented in Chelyabinsk, Kemerovo, and Tomsk Oblasts. These projects were not launched for two years. Everything ended at the level of workflow: agreements with regional authorities, contracts with municipal officials. The relevance of this problem lies in the fact that, at present, the entry of Chinese capital into the market of Russian investment projects is of a great importance, and the future socioeconomic development of both individual regions of Russia and the whole country depends on how useful this entry is. According to the results of evaluating the activities of Chinese representatives in the regions of Western and Eastern Siberia, no practical results that promote the development of the economy and regional infrastructure have been found. For representatives of the PRC, these projects and facilities under them are an extremely effective way of legalizing their own funds (acquired in many cases by criminal means) for numerous corruption checks in China. The ease with which they managed to implement schemes for the acquisition of these objects and lands without the obligatory implementation of the project, in fact, made them turn to the regions of Siberia more and more. The phenomenon discovered during the study of China's investment activity in Siberian regions over the past two decades has no analogues in the history of Russian-Chinese relations, in which regional partnerships and regional trade has always been the cornerstone that strengthens bilateral ties. In 2014, after the start of the US and European sanctions policy towards Russia, Russian economic dependence on the investments from China was completed. Despite the negative side, the regions of Siberia in this situation had something to offer to the neighboring state, for example, a huge amount of natural and human resources as a gigantic platform for investment activity. At the same time, for the PRC this was a unique historical opportunity to remove excess capital from the country on the most favorable conditions, providing it with an enormous production in Russia. However, instead, in the period after 2014, most large entrepreneurs came to the regions of Siberia not to solve investment problems, but to carry out criminal activities which were not possible in their own country. This contradiction has transformed Siberia for the PRC from a large-scale investment platform into a large-scale platform of foreign corruption policy.

REFERENCES

1. RIA Novosti. (2014) *Povorot na Vostok* [Turn to the East]. 21 May. [Online] Available from: <https://ria.ru/20140521/1008730350.html> (Accessed: 09.02.2020).
2. Kozlov, L. (2016) *Povorot Rossii na Vostok – illyziya geopoliticheskogo vybora. Avtorskaya kolonka Leonida Kozlova* [Russia's turn to the East is an illusion of geopolitical choice]. [Online] Available from: <https://primamedia.ru/news/500879/?from=8> (Accessed: 10.10.2019).
3. Valdai Club. (n.d.) *Rossiysko-kitayskaya konferentsiya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valday” “Rossiya i Kitay pered vyzovami glob-al'nykh izmeneniy”* [Russian-Chinese conference of the Valdai International Discussion Club “Russia and China in the face of the challenges of global change”]. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiyskokitayskaya-konferentsiya-valday/> (Accessed: 24.11.2019).
4. Finmarket. (2018) *Proekty, kotorye kitayskie investory namereny realizovat' na Dal'nem Vostoke, otsenivayutsya v \$30 mlrd* [Projects that Chinese investors intend to implement in the Far East are estimated at \$ 30 billion]. [Online] Available from: <http://www.finmarket.ru/news/4729788> (Accessed: 07.06.2019).
5. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Oprosy* [Polls]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/questionnaires/front?type=2> (Accessed: 07.06.2019).
6. Zuenko, I.Yu. et al. (2018) *Programma sotrudnichestva vostochnykh regionov Rossii i Severo-Vostochnogo Kitaya 2009–2018: itogi i dal'neyshie perspektivy* [The Program of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and Northeast China 2009–2018: Results and Further Prospects]. *Ukarty Tikhogo okeana*. 3. pp. 1–26.
7. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Otchet* [Report]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/87> (Accessed: 09.08.2019).
8. INO Tomsk. (n.d.) *Lesopromyshlennyi klaster* [Timber cluster]. [Online] Available from: <https://ino-tomsk.ru/ru/peredovoe-proizvodstvo/lesopromyshlennyy-klaster> (Accessed: 27.02.2019).
9. Exportcenter.ru. (n.d.) *O Rossiyskom eksportnom tsentre* [About the Russian Export Center]. [Online] Available from: <https://www.exportcenter.ru/company/> (Accessed: 30.10.2019).
10. Valdai Club. (n.d.) *Rossiysko-kitayskaya konferentsiya “Rossiya i Kitay: sovremennye vyzovy razvitiya”* [Russian-Chinese conference “Russia and China: modern challenges of development”]. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/rossiysko-kitayskaya-konferentsiya/> (Accessed: 05.02.2020).
11. Dong Lisheng. (2010) *China's Drive to Revitalise the Northeast*. [Online] Available from: <http://chinaperspectives.revues.org/462> (Accessed: 15.03.2017) (In Chinese).
12. Li Jinyu & Zhu Hengxu. (2000) Russian-Chinese projects of Siberian and Far Eastern energy resources development. *Dalian Technology University Periodical*. 4. pp. 43–49. (In Chinese).
13. Chen Nuo & Wang Binyin. (2011) The state and prospects of economic cooperation between the northeastern regions of China and the Siberian and Far Eastern regions of Russia. *Markets of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 11. pp. 40–45. (In Chinese).

14. Li Xin. (2013) Favorable opportunities for China in Siberia and Far East development. *Siberian Research*. 3. pp. 32–36. (In Chinese).
15. Ma Litian. (2014) Issues and contradictions of energy cooperation between Chinese northeastern regions and Siberian regions. *Economics and Culture*. 12. pp. 33–35. (In Chinese).
16. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Delegatsiya Tomskoy oblasti rabotaet v Kitae* [The delegation of Tomsk Oblast is working in China]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/98192> (Accessed: 09.02.2020).
17. Administration of Tomsk Oblast. (n.d.) *Malyj i srednyj biznes g. Tomsk. Seminary i treningi* [Small and medium business in Tomsk. Seminars and trainings]. [Online] Available from: <http://mb.admin.tomsk.ru/seminars> (Accessed: 23.09.2019).
18. Global Affairs. (2017) *Rossiya, Kitay i "balans zavisimosti" v Bol'shoy Evrazi* [Russia, China and the “balance of dependence” in Greater Eurasia]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazi/> (Accessed: 12.03.2020).
19. Kommersant". (2016) *Most k energeticheskoy nezavisimosti. V mae krymskiy energomost zarabotal na polnuyu moshchnost'* [Bridge to energy independence. In May, the Crimean energy bridge started working at full capacity]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3093842> (Accessed: 28.08.2019).
20. Kommersant". (2015) *Kitay nashel den'gi na VSM “Moskva – Kazan”*. *Investitsii v proekt sostavyat 300 mlrd rubley* [China found money for the Moscow-Kazan high-speed railway. Investments in the project will amount to 300 billion rubles]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2697502> (Accessed: 28.08.2019).
21. Bank of Russia. (2018) *Godovoy otchet za 2018 god* [Annual report 2018]. [Online] Available from: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf (Accessed: 30.08.2019).
22. Politics.people.com.cn. (2014) *Si Tszin'pin: “Odin poyas i odin put”’ otkroet novye gorizonty mechty* [Xi Jinping: “One Belt and One Road” will open up new horizons of dreams]. [Online] Available from: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (Accessed: 10.10.2019).
23. *Protokoly peregovorov mezhdu administratsiy Kemerovskoy oblasti i glavoy OOO “Ob”edinennaya derevopererabatyvayushchaya torgovo-promyshlennaya kompaniya” Chzu Syaosinem. Kemerovo, 2015–2016* [Minutes of negotiations between the administration of Kemerovo Oblast and Zhu Xiaoxing, head of the United Wood Processing Trade and Industrial Company. Kemerovo, 2015–2016].
24. Kemerovo Oblast. (2015) *Yurga poluchit status territorii operezhayushchego sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya* [Yurga will receive the status of a territory of advanced socioeconomic development]. [Online] Available from: <http://kemoblast.ru/news/e-konomika/2015/10/01/yurga-poluchit-status-territoriyi-operezhayushhego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (Accessed: 27.02.2019).
25. RBC. (n.d.) *Chto nuzhno znat’ ob usloviyakh TOR i SPV na Dal’nem Vostoke* [What you need to know about the conditions of the territories of advanced development and the Free Port of Vladivostok in the Far East]. [Online] Available from: <https://pro.rbc.ru/demo/5cffaab9a7947f38461e657> (Accessed: 03.11.2019).
26. Kremlin.ru. (2017) *Vystuplenie prezidenta Rossii V.V. Putina na plenarnom zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valday”* [Speech by President of Russia V.V. Putin at a plenary session of the Valdai International Discussion Club]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> (Accessed: 09.02.2020).
27. Edronova, V.N. & Khasyanova, S.Yu. (2002) Zarubezhnye i otechestvennye podkhody k otsenke kreditospособности zaemshchika [Foreign and domestic approaches to assessing the creditworthiness of a borrower]. *Finansy i kredit*. 10. pp. 3–5.
28. Niu Yangping. (2006) General analysis of trade cooperation between Chinese provinces and the Siberian Federal District. *Siberian Research*. 6. pp. 12–15. (In Chinese).
29. Raspp.ru. (n.d.) *Top-11 kitayskikh investitsiy v Rossiyu* [Top 11 Chinese investments in Russia]. [Online] Available from: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (Accessed: 19.11.2019).
30. Wen Xue. (2008) Paradoxes of Siberia and the Far East development trends and their impact on bilateral Russian-Chinese relations. *Beijing University. International Relations Institute Periodical*. 6. pp. 16–21. (In Chinese).
31. *Dvustoronnee soglashenie mezhdu Administratsiy Kemerovskoy oblasti i OOO “Ob”edinennaya derevoobrabatyvayushchaya torgovo-promyshlennaya kompaniya”*. 12.12.2016. Kemerovo [Bilateral agreement between the Administration of Kemerovo Oblast and the United Wood Processing Trade and Industrial Company. 12.12.2016. Kemerovo].
32. Proderevo.net. (2019) *Kitayskogo lesozagotovitelya obyazali vosstanovit’ les v Tomskoy oblasti* [The Chinese logger was ordered to restore the forest in Tomsk Oblast]. [Online] Available from: <https://proderevo.net/news/corp/kitajskogo-lesozagotovitelya-obyazali-vosstanovit'-les-v-tomskoj-oblasti.html> (Accessed: 08.12.2019).
33. Lrt.lt. (2016) *Kitay razvernul antikorruptsionnyu kampaniyu, odnu iz samykh masshtabnykh v mirovoy istorii* [China launched an anti-corruption campaign, one of the largest in world history]. [Online] Available from: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/129419/kitai-razvernul-antikorruptsionnuui-kampaniui-odnu-iz-samykh-masshtabnykh-v-mirovoi-istorii> (Accessed: 24.11.2019).
34. Liu Bo. (1998) Siberian Research and Siberian Studies Center results review. *Siberian Research and Siberian Studies Center Periodical*. 3. pp. 51–55. (In Chinese).

Received: 26 May 2020